М. Е. Бычкова, к. и. н., Москва

ГЕРБЫ РУССКИХ ДВОРЯН КОНЦА XVII в.

Появление гербов в России: городских, дворянских, которые были утверждены официально, связывается в научной литературе с петровскими реформами [1]. Действительно, массовое герботворчество XVIII в. говорит, что русское общество было заинтересовано этими европейскими символами и стремилось их активно воспринимать. Обычно такие явления подготавливаются длительными процессами, происходящими в сознании общества и формирующими это сознание [2]. Очевидно, к истории создания гербов, в том числе и дворянских, надо подходить как к долговременному процессу, связанному и со стремлением правящего класса средневекового государства стать равноправной составной частью феодального сословия Европы. Ничего конкретного о русских дворянских гербах до XVII в. мы не знаем.

Однако, с середины XVII в., когда в Москве и других городах появляется значительное число иноземцев, приехавших служить русскому царю, в том числе и дворян, в повседневную жизнь проникают представления о быте и нравах соседних стран. Возрастает интерес к переводной литературе: генеалогической, гербовникам; московские переводчики польских хроник Мартина Кромера и Матвея Стрыйковского особо выделяют в рукописях - пометами на полях и заголовками в тексте, сделанными киноварью, - записи о происхождении дворянских родов, описания их гербов [3].

В 80-е гг. XVII в. при проверке родословных росписей, поданных в Палату родословных дел, дьяки обращаются к тем же польским хроникам и гербовникам [4]. В результате среди таких документов, а также в списках родословных книг, составленных в эти же годы, появляются рисунки и описания первых дворянских гербов, на право владеть которыми претендовали авторы росписей.

Сохранилось около полутора десятков таких гербов. Среди них два - европейские дворянские гербы, упомянутые в росписях семей, чьи предки начали службу в Москве в XVI-XVII вв. Эверлаковы указали, что их предок был взят в плен во время Ливонской войны и остался в России. К росписи приложен рисунок герба, утвержденного за этим родом в Швеции. Переводчик Посольского приказа Леонтий Грос, взятый в плен под Ригой и также оставшийся в Москве, написал, что его семья имеет древний герб: «А герб родства моего, каков дан прапрадеду моему Георгию Гросу от Фридриха Барбароса, цесаря римского за многие ево верные службы, се есть воин в латах со обнаженным мечем. И тем гербом прапрадед и дед и отец мой владели, и я владею ж» [5]. Рисунка герба нет. Мы видим здесь стремление сохранить за собой право на гербы, пожалованные предкам, у недавно появившихся на службе в России иноземцев.

Но большинство гербов, на которые претендовали русские дворянские семьи, восходят к польской геральдической традиции. Они находятся в росписях Грушецких, Карбышевых, Клокачевых, Колдычевских [6].

Грушецкие приложили к росписи рисунок герба и дали его описание со ссылкой на гербовник "Орбис Полонус": это герб Любич. По их легенде этот герб имел некий "ратоборец", участвовавший в войнах князя Казимира Мазовецкого, воин "того роду, которые тем гербом - крестом с подковой -

печатаются"[7]. Изображение креста и подковы в различных вариантах не один раз встречается в польской средневековой геральдике, но рисунок в росписи Грушецких ближе к гербам Новина и Побуг.

Колдычевские, также приложившие к росписи рисунок герба, указали: "По маетности Колдычеве пишемся Колдычевсцы, а по шляхте Ендзилове. И герб наш дан Ендзилом Колдычевским: зубрие головы, одну в клейме, а другую верх клейма держит лев с венца. И тем гербом нам Ендзилом по Колдычеве Колдычевским велено печататца да другим паном Бялозером, шляхте"[8].

Карбышевы также со ссылкой на "Орбис Полонус" упомянули, что им принадлежит "венгерский герб" "наподобие Гоздовы": "О гербе их написано: в поле светло-голубом поле среднее (далее в оригинале обрыв около 10 букв - МБ)..., начав от левой стороны на правую цвета белаго, на котором полагаются три лилии, наподобие Гоздавы. Таково поле окружают булавы воинские, три золотые: две сверху, а одна снизу"[9]. Рисунка герба нет, но его символика в тексте подробно объяснена. Она свидетельствует о доблести предков: "три булавы и благоуханные лилии" - это символы победителей. "И прехвальнейшие ж победители родители вышеиреченного герба. Три булавы воинские сердце, силу и умение воинственника изобразили суть, а три лилии - чистоту сердца к отечеству, царю и роду приносят"[10].

Клокачевы указали на свою принадлежность к гербу Наленч, также сославшись на "Орбис Полонус".

Право на польский герб Ясенек ("меч златый в поле блакитном, над короной пять пер струсовых") было заявлено Лихачевыми, которые назвались однородцами польской семьи Краевских. Краевские начали свою службу в Москве в XVII в.[11] Думные дьяки Лихачевы во второй половине XVII в. входили в состав номенклатурной элиты Русского государства, и их попытка обосновать свои права на польский герб, принадлежавший семье, только что начавшей служить в Москве, отчасти напоминает акт адаптации литовского боярства польскими гербовыми родами в начале XV в.

Несколько гербов помещено в росписях семей, назвавших своими предками выходцев из Италии. Сюжет о происхождении рода от итальянской знати связан с более ранними легендами о происхождении литовских великих князей, появившимися в России в конце XV в.[12]

Именно так описали свое происхождений Потемкины в росписи, составленной в 1687 г. Их родоначальник в Италии - "князя самницкого сродник Понциуш", чьи потомки, "отбыв из владетельства своего", долго жили в Польше. В начале XVI в. эта семья приехала в Москву [13]. В росписи описан итальянский герб "князя самницкого Понциуше Телезина - гриф червонный вполы с коруною в поле желтом, а поле разделено лазоревым пределением волнистым". Другой герб Потемкиных, которым "в Польской земле, по изволению королевскому печатались сородники их, Потемкиных", это "рука с мечом вооруженная изо облака в щите, а на щите коруна, а из коруны три пера струсовы"[14].

Сходная легенда, начинающаяся со знатных итальянских предков, есть в росписи Елагиных. Здесь помещен сюжет, близкий к родословию великих князей литовских, об уходе из Рима "князя римского" Палемона, потомки которого попадают "х крыжакам", осваивают литовские и псковские земли. Один из знатных римских воинов, "Викентий з Елагони", и был родоначальником Елагиных[15]. В его гербе "лев цветом рудый, написан которой лев половиною

из-за каменной чермной стены: стоит с поднятым хоботом на доле ценинном. А вверху коруны такожде лев"[16].

Наибольшее количество гербов, принадлежавших предкам, назвали Римские-Корсаковы. Их красочно составленная "Генеалогиа", безусловно, является вершиной осмысления "римской" темы в русской общественной мысли XVIII в. В рукописи помещено восемь рисунков гербов, их сопровождают стихи, объясняющие геральдическую символику.

Эмблемы гербов в "Генеалогии" Корсаковых чаще связаны с подвигами Геракла. Это булава героя, ставшая жезлом полководца ("аще вси воеводы булавы имеют"); орел - символ вечной верховной власти ("орел же в себе свойство царское имеет, тем его давали - кто подобное деет"). Орел с тремя молниями в клюве был символом Юпитера, а его внуки имели Орла в гербе своей страны:

"Разные государства орлы прославили.
От кого Лех, Чех, Москос, цари и княжата
Кесарстии, - рустии, полстии суть орлята"[17].

Медведь в гербе Корсаковых связывается с Немейской медведицей, которую победил Геракл, а Геркулесовы столбы объясняются как древний герб Литвы, "первое их знамя"; роза в гербе символизирует сады Гесперид.

Три последние герба в "Генеалогии" относятся непосредственно к истории семьи Корсаковых. Герб Трех рек означает уход предков из Рима в Польшу ("чрез три реки убеже до Полски"), а в стихах, сопровождающих два герба - Рукояти накрест и Перекрестья Накрест,- объясняется символика меча и креста:

"Восприимши крест - будет где Христос со святыми.
Кто возьмет меч - погибнет мечем с убитыми"[18].

Объясняя смысл эмблем первых пяти гербов, Корсаков ссылается на тексты римских и греческих авторов, а для осмысления трех последних использованы произведения польских историков - Вольского и Папроцкого.

Стихотворная форма, объясняющая гербовые эмблемы, была использована и Нарбековыми, составившими первый оригинальный русский дворянский герб[19]. Назвав своим родоначальников мурзу Багрима, авторы уделили большое внимание восточной символике своего герба, объясняя значение таких эмблем, как чалма, лук, стрелы[20].

Все упомянутые выше документы, кроме родословия Корсаковых и Нарбековых, где есть рисунки или описания гербов, носят официальный характер: они были поданы для утверждения в Палату родословных дел. Утвержденные вместе с росписями гербы также становились официально признанными в государственных органах. Очевидно, в русском обществе последней четверти XVII в. уже существовало четкое представление о необходимости утверждения или пожалования герба верховной властью. Появляется и потребность иметь родовой герб, очевидно, отсутствовавшая в более раннее время, о чем говорят документы Эверлаковых, Л. Гроса.

В тех случаях, когда рисунок герба, приложенный к росписи, не совпадает с указанным здесь же польским гербом (как у Грущецких) или описан условно ("наподобие Гоздавы"), это может говорить, что понимая официальное происхождение дворянских гербов, составители родословных документов не решались давать точное изображение герба, на который семья не имела права.

Фото 1.

Фото 2.

Фото 3.

Гербы на фото:

1. **Эверлаковых.**
2. **Грушецких.**
3. **Елагиных.**

Кроме самих изображений гербов последней четверти XVII в. заслуживает внимания и геральдическая терминология, которой пользуются авторы росписей. Часто она связана с соответствующими польскими терминами, Это "блекитное поле", "коруна", "клеймо" (вместо щит), другие. Причем такие термины перекликаются с полонизмами в текстах родословий (маетность, шляхта, крыжаки).

Составители русских гербов XVII в. ясно представляли их структуру. Центральная часть - щит (клеймо), который бывает разного цвета: червонный, желтый, светло-голубой, белый; щит может быть разделен на части (гербы Карбышевых и Потемкиных); эти части, как и разделяющая их черта ("пределение волнистое"), также могут быть разного цвета. А в каждой части щита бывают разные эмблемы; иногда сами эмблемы сложные ("гриф червонный виолы с коруною"). Над щитом также могут быть эмблемы: "коруна", "а из коруны три пера струсовых".

Эмблемы в щите не обязательно связаны с историей самой семьи, они могут свидетельствовать о воинской доблести предков: "ратоборец" Гросов, булавы Карбышевых и Корсаковых, их высокие моральные качества - лилии в гербе Карбышевых.

Все это позволяет говорить, что в России последней четверти XVII в. были достаточно глубокие знания, а также живой интерес к геральдике, символике гербов. Осмысление геральдики носило не абстрактно-научный характер, оно было вызвано потребностью определенной части дворянства иметь свои собственные гербы, как это принято в соседних странах. Но массовое герботворчество еще не появилось, возможно и потому, что в обществе существовало убеждение в официальном происхождении гербов, их пожаловании или утверждении верховной властью. А подобного органа в России не было.

Можно добавить, что герботворчество шло параллельно с интересом к переводной геральдической и генеалогической литературе, сопровождалось переводами древних и современных исторических произведений [21]. Поэтому мы можем говорить, что уже в 80-е гг. XVII в. дворянство готовилось к назревавшим реформам русской жизни, но широко такие реформы развернутся лишь в XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М. 1990. С. 193-218 и сл.; *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М. 1981.

[2] *Каштанов С. М.* О типе Русского государства в XIV—XVI вв.// Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М. 1992. С. 88-89.

[3] *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII в. // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 43-44.

[4] *Бычкова М. Е.* Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // Вспомогательные исторические дисциплины. В. XII. Л. 1981.

[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 70. Л. 2.

[6] Там же. Д. 34, 61, 78, 86.

[7] Там же. Д. 61. Л. 3.

[8] Там же. Д. 78. Л. 2.

[9] Там же. Д. 86. Л. 3.

[10] Там же. Д. 86. Л. 47.

[11] Там же. Д. 80. Л. 1.

[12] *Бычкова М. Е.* Общие традиции родословных легенд правящих домов Восточной Европы // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М. 1976. С. 295--301.

[13] *Болотина Н.* "Приехал служить великому князю" // Источник. 1995. № 1. С. 19.

[14] Там же. С. 20, 21.

[15] РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 145. Л. 2.

[16] Там же. Л. 3.

[17] *Римский-Корсаков И.* Генеалогия. М. 1994. С. 134, 135.

[18] Там же. С. 141, 142.

[19] *Бычкова М.* Первый русский дворянский герб // Гербовед. 1993. № 2(4). С. 37--42.

[20] Там же. С. 40, 41.

[21] *Кудрявцев И. М.* "Переводная" деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги второй половины XVII в.) // Книга. Вып. XVIII. М. 1963.

Статья написана по материалам докладов, читанных на I, II, и III Международных генеалого-геральдических научных конференциях.